

ВЫСТАВКА ФОТОГРАФИЯ

Печать рекламы на устах

Нью-Йорк Уильяма Кляйна в Мультимедиа Арт Музее

83-летний парижанин американского происхождения Уильям Кляйн часто приезжает в Москву с выставками. Выбрался он и на нынешнюю Фотобиеннале, посвященную Америке. Выставка фотографий из его первой книги проходит при поддержке Mastercard и Renault. Рассказывает ВАЛЕНТИН ДЬЯКОНОВ.

К моменту возвращения в Нью-Йорк Уильям Кляйн провел в Европе несколько лет. Сын простых еврейских трудяг с 12 лет ходил после и вместо школы в нью-йоркский Музей современного искусства и набирался впечатлений от французского модернизма и фотографии немецкого и русского авангарда. Провоевав два года в Старом Свете связистом, Кляйн добился от правительства США оплаты обучения в Париже, поступил в Сорбонну и занимался среди прочих у друга Советского Союза Фернана Леже. Фотографией Кляйн увлекся случайно, выполняя художественный заказ. В Париже его приметил легендарный арт-директор американского Уэсли Аллен Дил-

берман, человек, много сделавший для того, чтобы авангард стал на службу модной индустрии. Кляйн начинает работать на Vogue, в 1955 году возвращается ненадолго в Нью-Йорк и снимает материал для книги, выход которой журнал обещал профинансировать.

Отснятые Кляйном кадры не нравятся в Штатах никому. Коллеги-фотографы говорят, что у них полно таких снимков — в корзине для обрезков. Кляйн уезжает в Париж и быстро находит издателя там. Им оказывается Крис Маркер, режиссер и мыслитель, известный в первую очередь тем, что фильм Терри Гиллиама «12 обезьян» является ремейком его революционной короткометражки «Пирс» 1962 года. В Европе книгу обожают. Кляйн снимает похожим образом фотосюиты про Рим и Москву, куда ездит в конце 1950-х.

В нью-йоркской серии Кляйна заложены основы уличной фотографии, какой мы ее знаем. Кляйн не разбирает дороги и не отличает поражения от победы, если видит, что перед ним — кусочек жизни. Этот подход как палка о двух концах. Многие фотографии кажутся старомодными в силу революционности, утратившей срок годности: лицо не в фокусе на первом плане — прием настолько затертый, что первенство Кляйна снимок не спасет. С другой стороны, такие выстрелы не целясь часто попадают в цель, да-

же если выглядят совсем случайными. Суть мастерства уличного фотографа не в удачной мизансцене, а в передаче энергии и настроения. Звучит, конечно, скользко и неопределенно, но, если сравнивать мегаполисы в стиле Кляйна, видно, насколько разнятся толпы, лица, нормы поведения.

Нью-Йорк равно далек и от элегантного Рима, и от диковадой Москвы. В первую очередь он агрессивнее. На одном из хрестоматийных снимков ребенок целится в объектив игрушечным пистолетом, мизансцена другой фотографии до боли похожа на один из важнейших снимков времен конфликта во Вьетнаме — казнь вьетконговца выстрелом в висок — только разыгранный опять же детьми. Реклама и вывеска у Кляйна — такие же действующие лица, как и люди, а то и важнее. В материалистической реальности Нью-Йорка многочисленные знаки и торговая завлекаловка постоянно руководят людскими потоками. Классовые и ра-

Фотограф Уильям Кляйн не разбирает дороги и не отличает поражения от победы, если видит, что перед ним — кусочек жизни

ФОТО ДМИТРИЯ ЛЕКАЯ

совые барьеры Кляйн преодолевает. На его фотографиях у всех равные права — и у веселых афроамериканцев, и у серьезных китайцев. Такой подход в Штатах не нашел понимания. Это сегодня в автобусах в Майами есть специальное место, посвященное Розе Паркс, отказавшейся уступить белому человеку сиденье в отсеке для «высшей расы». В 1950-е до такой демократии было далеко.

После нью-йоркской серии Кляйн уехал обратно в Париж, погрузился в модную фотографию, которую ненавидел, снял об индустрии моды сатирическую комедию «Кто ты, Полли Маггу?», тусовался с активистами «Черных пантер» и студентами, сочинившими в 1968-м революцию в Париже. В Нью-Йорк он ездит регулярно, чтобы подзарядиться американским духом, но жить там не может: политические игры республиканцев Кляйну противны. Для каждого из кандидатов в президенты США от Республиканской партии у фотографа готово ругательное слово разной степени тяжести. В сущности, для Кляйна на родине ничего не изменилось: та же рекламная дребедень на каждом углу, тот же расизм, та же энергия нации, агрессивно выставляющей напоказ и улыбки, и оскал.